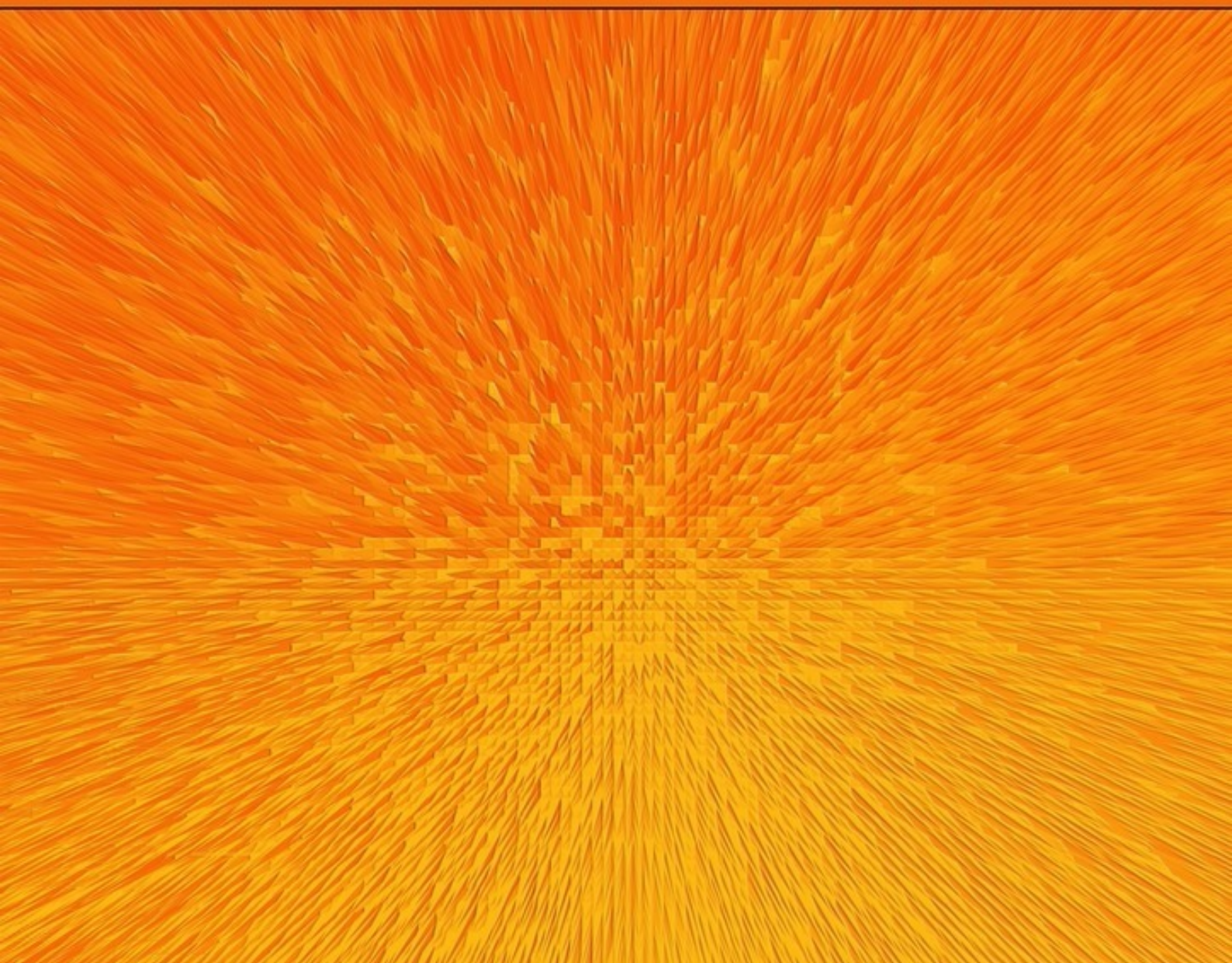

Александр Портнов

*Пестрые
очерки*

Александр Портнов

Пестрые очерки

«Издательские решения»

Портнов А.

Пестрые очерки / А. Портнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830717-1

Кто ошибочно назвал Гомера слепым, когда предки славян разграбили Рим и открыли самогон, как переплелись кровные связи самодержцев, как возникли крупнейшие месторождения золота, марганца и алмазов, как ищут руду, как живется геологам — и еще о многом другом в этих «пестрых рассказах». Неожиданность сочетания разнообразных тем дает надежду на встречу с широким кругом читателей.

ISBN 978-5-44-830717-1

© Портнов А.
© Издательские решения

Содержание

1. Гомер был зорче нас	6
Самогон изобрели славяне!	6
Не верьте красавицам, наркоту приносящим	8
Гомер видел лучше нас	12
Античные «кинохроники»	13
Кто «ослепил» Гомера?	14
Гомерический смех Демодока	16
Бог Аполлон – предшественник террористов	19
Шелковый путь в эпоху Гомера	21
Гомер – неудачник в семейной жизни?	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пестрые очерки

Александр Портнов

© Александр Портнов, 2016

ISBN 978-5-4483-0717-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Гомер был зорче нас

Самогон изобрели славяне!

Считается, что спирт впервые получили или арабы в УП или итальянские алхимики – в XI веке. Самогонщики древности предполагали, что из вина при перегонке выделяется его дух, названный по-латыни «спиритус». Отсюда и название – спирт. Называли эту жидкость также «водой жизни» (аква вита) и использовали ее преимущественно, как лекарство от всех болезней. С 14 века водка или «горилка» стала хорошо известна и в Западной Европе, и на Руси.

Однако имеются основания считать, что на самом деле самогон был открыт гораздо раньше и, конечно же, предками славян! Но не считайте это шуткой, поскольку о «горилке» и ее потребителях подробно рассказывает... Гомер в поэме «Одиссея». Изобретение самогона великий поэт приписывает древним племенам фракийцев.

Как известно, Одиссей и его спутники в своих странствиях попали в пещеру к гигантскому людоеду – одноглазому циклопу Полифему. К несчастью для путешественников, циклоп захотел полакомиться человечиною: он завалил выход из пещеры огромным камнем и для начала сожрал живьем четырех товарищей Одиссея. Одиссей хотел было пронзить его печень медным мечом, но сообразил, что отвалить огромный камень, закрывающий вход в пещеру, им не удастся. Тогда он задумал хитрый план, налил полную чашу предусмотрительно захваченного вина и обратился к людоеду:

*Выпей, циклоп, золотого вина, человечим насытись
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе обрести: но свирепствуешь ты нестерпимо.*

Циклоп выпил чашу и был приятно удивлен необычным вкусом вина. Он выпил еще две полные чаши и сказал:

*Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронийон дождем оплодждает;
Твой же напиток – амброзия чистая с нектаром сладким...*

В награду он пообещал Одиссею съесть его последним – и спросил, как его зовут. Мое имя «Никто», – ответил хитроумный Одиссей.

*...Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человеческого мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не меру напившись.*

И тогда Одиссей выполнил свой план: он пронзил единственный глаз циклопа горящим колом.

*...Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши...
Дико завыл людоед – застонала от воя пещера...*

Сбежавшиеся на крик циклопы обступили пещеру, спрашивая:
«Кто же тебя здесь обманом иль силою губит?» – «Никто! Никто!», – ревел в ответ ослепленный Полифем.

«Если никто, то чего же один так ревешь ты?» – ответили циклопы и разошлись по домам. Утром Полифем стал выпускать из пещеры свое стадо, ощупывая спины баранов – и Одиссей и его спутники выскользнули из пещеры под их брюхом.

Возникает вопрос: каким удивительным по крепости вином Одиссей опоил огромного циклопа?.. Ведь греки постоянно пили сухое виноградное вино без особого вреда для себя, а циклоп, как видно из его слов, тоже умел его изготавливать и постоянно употреблял – причем его не выворачивало наизнанку. Между тем в тексте «Одиссеи» содержится информация, позволяющая предположить, что уже в древнейшие времена существовали напитки, гораздо более крепкие, чем сухое вино...

Греки обычно употребляли красное сухое вино крепостью 8 – 10 градусов, перед употреблением сильно разбавляя его водой. Сладкое вино тоже было слабым – его получали из недоброжеленного виноградного сока или путем настаивания вина на изюме. Но Гомер подробно рассказывает о необычном вине, которым опоили Полифема: Одиссей захватил его на обратном пути из Трои – при разграблении города Исмар. В нем жили не греки, а киконы, фракийское племя, предки южных славян и скифов. Вино подарил Одиссею Марон, сын Еванфеев, жрец разрушенного города, в благодарность за то, что его дом греки пощадили при грабеже.

Напиток действительно был необычным – не слабым, сухим и кислым, а, как рассказывает Гомер, «...крепким, божественно-сладким, огненным, искромлетным, золотым и медвяным», причем «...нацедивши в чашу с вином в двадцать раз более воды – запах из чаши был несказанный: никто тут не мог от питья воздержаться». Напиток этот был таким редкостным, что в городе киконов его тщательно прятали от всех: о нем даже в доме жреца Марона «... не ведал никто из рабов и рабынь и никто из домашних, кроме хозяина, умной хозяйки и ключницы верной».

Что же представлял собой этот таинственный драгоценный напиток, «последний шанс» спасения Одиссея? Думается, что «ключевые слова» для его определения даны Гомером: «крепкий», «огневой», «золотой» и «медвяный». Это значит, что «вино» было таким крепким, что оно могло... гореть! Золотой цвет – это цвет меда; мед дает также необходимую «сладость амброзии» и сильный приятный запах. Крепость и запах напитка сохранялись даже при двадцатикратном разбавлении! Выходит, что это была... «горилка», скифско-славянская медовуха крепостью не менее 70%!..

Вероятно, на базе меда некоторые «специалисты» глубокой древности научились готовить самогон, причем высокого качества. Любопытно, что горилку-медовуху Гомер обнаруживает именно у предков славян, для которых, в отличие от греков, виноделие было непривычным занятием. Зато в собирании дикого лесного меда и его «вторичной» переработке – им не было равных.

Но технологию изготовления самогона они держали в строжайшем секрете: напиток был очень редкий и, судя по восхищенному описанию Гомера, ценился, применительно к современным оценкам, дороже самого лучшего нынешнего коньяка... На греков, привыкших к воде с небольшой примесью сухого вина, такой напиток производил неизгладимое впечатление своим ошеломляющим воздействием. Гомер, поражающий всех исследователей своей энциклопедичностью, знал, хотя бы понаслышке, о таком волшебном-крепком вине; именно его он дал, как «секретное оружие» в руки Одиссея для победы над бесчеловечно-жестоким людоедом Циклопом.

Не верьте красавицам, наркоту приносящим

Известно, что прекраснейшей женщиной древности была Елена, дочь Зевса и Леды. Красота очень осложняла ей жизнь, поскольку от женихов не было отбоя. Еще девушкой ее похищали герои Тесей и Пирифой, а потом освобождали другие герои – братья Диоскуры. Потерявшие голову красавцы древнего мира могли бы перебить друг друга, но помог совет Одиссея, царя острова Итака: выбор должен оставаться за дочерью Зевса. Хитроумному Одиссею казалось, что Прекрасная Елена с ним откровенно кокетничает, но на этот раз он просчитался. Разборчивая «мисс Вселенная №1» предпочла царя Менелая, а Одиссею пришлось жениться на Пенелопе.

Но красота принесла Елене одни несчастья. Когда Зевс благоразумно устранился от спора трех богинь за «яблоко раздора» и назначил судьей троянца Париса, все богини, забыв о вреде коррупции, стали беззастенчиво предлагать Парису взятки: Гера – власть над миром, Афина – великую мудрость, Афродита – любовь Елены. Перед последним соблазном молодой троянец не устоял, и с помощью Афродиты он в очередной раз похитил красавицу. В результате на рубеже XII-XIII веков до н.э. началась Первая мировая война древности, Парис был убит и Елена стала женой его брата. Когда Троя была взята штурмом, сожжена и разграблена, Елену вернули мужу-победителю – царю Менелая.

В «Одиссее» Гомер рассказывает, как Телемах, сын Одиссея, в поисках отца приезжает в гости к царю Менелая. Конечно, здесь же находится и Елена. Хотя она прожила бурную молодость, сменив множество мужей и любовников, Менелай по прежнему вроде бы любит ее и уважает. Елена «...на креслах села, прекрасные ноги свои на скамью протянувши», а царь Менелай при виде одиссеева сына начинает вспоминать Троянскую войну и бесконечную череду погибших героев. Воспоминания неожиданно приобретают «опасный поворот», все присутствующие рыдают, а главное – Менелай вспоминает об откровенном предательстве жены в то время, когда она была женой Дефиоба, брата Париса.

Прекрасная Елена,
итальянский скульптор Антонио Канова (1757 – 1822).

Как известно, греки-данайцы не могли взять Трои и пошли на хитрость. По совету Одиссея они оставили у стен города огромного деревянного коня, якобы в дар троянцам, а сами отплыли от побережья; внутри коня сидели вооруженные до зубов лучшие греческие герои. Радостные троянцы окружили коня и решили ввезти его в крепость. Но Елена не поверила данайцам, дары приносящим; более того, она попыталась ловко спровоцировать греков. Именно об этом предательстве и вспомнил захмелевший царь Менелай:

*К нам ты тогда подошла – по внушению злему, конечно,
Демона, дать замышлявшего славу враждебным троянам, —
Трижды громаду коня обойдя с Дефиобом и отвсяду оцупав
Ребра ее, ты начала вызывать поименно данайцев,
Голосу наших возлюбленных эжен подражая искусно.
Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
Выйти наружу иль громко тебе изнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивых нас удержал...
Только один Антиклес на призыв твой подать порывался*

*Голос; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Рот безрассудному, тем от погибели всех нас избавил;
С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины.*

Елена понимала, что ситуация выходит из-под контроля, дело пахнет скандалом, такие воспоминания до добра не доведут – и даже демонстрация ее прекрасных ног может оказаться недостаточной. Тогда она достает другое верное средство, которым она, вероятно, пользовалась уже не раз:

*... Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать, и отца неожиданной смертью утратил,
Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред глазами его пораженного бранною медью.*

Попросту говоря, Прекрасная Елена, опасаясь скандала, подмешивает в вино какое-то дурманящее вещество, сильнодействующий наркотик, вызывающий чувство беззаботности, счастья и эйфории. Наркотик этот не греческий, а привозной, египетский. Всезнающий Гомер рассказывает, что Елена «...обладала тем соком чудесным...» поскольку

*...Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых;
Каждый в народе там врач...*

Какой древнейший наркотик описывает Гомер? Ясно, что речь идет о растительной настойке. Скорее всего на эту роль может претендовать настой сока опиумного мака. В клинописных текстах древних шумеров, живших на территории современного Ирака 6 тысяч лет назад, уже даются рецепты получения из головок мака сильного наркотика, вызывающего потерю памяти, ощущение нереальности происходящего, эйфорию, а затем крепкий сон. Шумеры называли его «гиль», что означает «радость». Из Двуречья опиум попал в Персию и Египет. Как сообщает Гомер, именно египетские добрые знакомые снабдили Елену «непентесом» – настойкой мака, позволяющей забыть горе и попасть в мир иллюзорного счастья.

Для одуревших от опиума гостей, а главное – для мужа, Прекрасная Елена рассказывает другую историю – о том, как она героически спасла от гибели Одиссея, пробравшегося в Трои в виде лазутчика:

*...Одиссей, тело свое беспощадно иссекши бичом,
Рубищем бедным покрывши плеча, как невольник вошел
В полный сияющих улиц народа враждебного город.
Так посреди он троян укрывался; без смысла, как дети,
Были они; я одна догадалась, кто он; вопросы
Стала ему предлагать я – он хитро от них уклонился;
Но когда и омывши его, и натерши елеем,
Платье на плечи ему возложила я с клятвой великой:
Тайны его никому не открыть в Илионе враждебном,
Все мне о замысле хитром ахейян тогда рассказал он.*

Выходит, что Елена уже заранее знала, что греки хотят оставить у стен Трои коня с героями в его брюхе. Но тогда зачем она пыталась их спровоцировать и погубить?.. Конечно, лжет

Прекрасная Елена, но, как говорится, «ложь – во спасение», тем более, что все пирующие убеждены в гибели Одиссея и некому проверить рассказ Елены.

Чтобы убедить мужа в том, что она «окончательно исправилась», Елена добавляет, что когда Одиссей «...многих троян умертвил, выведал все и в стан невредим возвратился, в сердце моем веселие было: давно уж стремилось в родную землю оно, в отчизну, где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга, столь одаренного светлым умом и лицом красотою.»

Выпив вина с раствором опиума, «столь одаренный светлым умом» Менелай охотно верит всему. Таков удел мужей, тем более, что опиум начинает действовать, все хотят спать. Телемах зеваёт и говорит, что:

*...Настало время уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко
В сон погрузившись, на них успокоить уставшие члены.»*

*...Елена велела немедля рабыням в сенях кровати поставить,
Постлать тюфяки, и ковры, и косматые мантии бросить...
Гости засыпают, а вскоре*

*...Во внутренней спальне заснул Менелай златовласый (рыжий – А.П.),
Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной.*

Такую поучительную историю, как с помощью наркотика можно обмануть простодушного «рыжего мужа», рассказал Гомер. Любопытно, что он никак не комментирует слова своих героев, излагающих на одной странице две взаимоисключающие версии событий. Кажется, что он всем им искренне верит, а настоящую оценку двусмысленной ситуации оставляет внимательному слушателю или читателю далекого будущего. Поэтому и живут поэмы Гомера тридцать веков. Каждое поколение находит в них что-то новое.

Гомер видел лучше нас

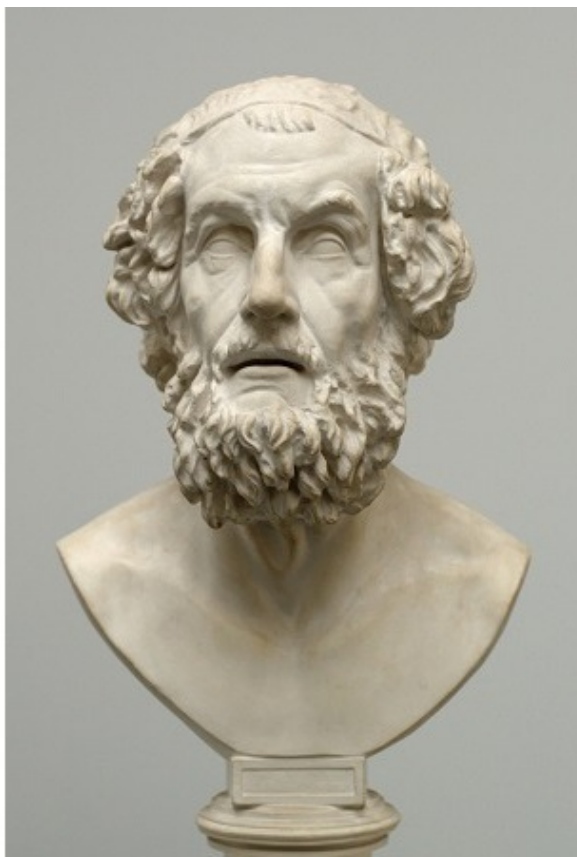
Исследователи творчества А.С.Пушкина потратили немало труда, прежде чем расшифровали найденное в рукописях поэта и тщательно зачеркнутое им двестише:

*Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.*

А.С.Пушкин язвительно подшутил над Н.И.Гнедичем, взявшим на себя величайший и никем более в России неповторенный труд – перевод «Илиады» с древнегреческого на русский язык. Гнедич работал над переводом 20 лет – с 1809 по 1829! Этот труд продолжил Жуковский, создавший перевод «Одиссеи» в Дюссельдорфе (с немецкого подстрочника) за семь лет – с 1842 по 1849. Понимая, что даже шуточная эпитафия будет несправедлива, Пушкин никому ее не показал и старательно замазал. Она известна только потому, что от исследователей-«пушкинистов» невозможно скрыться даже Пушкину.

Но о «слепом Гомере» он написал вполне искренне, поскольку еще со времен Лицея помнил – как и все мы из школьного учебника древней истории – прекрасный бюст слепого поэта, созданный в Александрии в эпоху эллинизма, во втором веке до н.э., через 6 – 7 столетий после смерти Гомера.

Конечно, скульптор не знал, как выглядел великий поэт в действительности. Но почему он решил, что Гомер был слепым?.. Ведь слепота – величайшее несчастье, она лишает человека знания о бесконечном разнообразии форм и цветов мира! Давайте задумаемся, смогли бы реализовать свой талант Шекспир, Байрон, Пушкин, если бы они родились слепыми?.. Могут ли слепцы создавать великие литературные произведения, поражающие читателя особо зоркой наблюдательностью и изощренной многоцветностью художественной палитры?

Общеизвестный бюст «слепого Гомера» является копией со знаменитой статуи обожествленного поэта, стоявшей в храме Гомера в Александрии. Статуя была создана по приказу Птолемея 1У в конце 3 века до н. э. Высочайшее мастерство скульпторов эпохи эллинизма заставило забыть все более древние изображения, бюст разошелся в многочисленных копиях по всему античному миру и стал основой мифа о «слепом Гомере»

Античные «кинохроники»

До нашего времени дошли две поэмы Гомера общим объемом более 50 печатных листов. Они позволили миллиардам читателей всех времен и народов оценить по достоинству замечательные особенности его творчества, в числе которых – удивительная точность описаний, образность, живость и яркость сцен.

Но еще сильнее поражают постоянные «крупные и мелкие планы», замечательные «пейзажные зарисовки» и РАЗНОЦВЕТНОСТЬ картин, проходящих в поэмах бесконечной чередой. Разве может слепец сказать:

*Солнце тем временем село, и все потемнели дороги...
или заметить, как ...от широкого веяла, сыпясь по гладкому току,
Черные скачут бобы иль зеленые зерна гороха...*

(Ил., п.3, 588)

Разве способен незрячий передать мгновенный взгляд пловца, взлетевшего на гребень высокой волны:

*Поднятый кверху волной и взглянувши быстро вперед,
Недали пред собою увидел он землю...*

(Од., п.5, 392)

Действительно, это ощущение знакомо всем, кто плавал в штормящем море, оно длится всего лишь мгновение, но Гомер передал его с предельной точностью.

А как объяснить словно бы вставленные в рамку детальнейшие пейзажи:

*В зимнюю пору громовержец Кронион восходит и,
Ветры все успокоивши, сыплет снег непрерывный,
Гор высочайших главы и утесов верхи покрывая,
И цветущие степи, и тучные пахарей нивы;
Сыплется снег на берега и на пристани моря седого,
Волны его, набежав, поглощают...*

(Ил., п.12, 279).

Гомер дает верное описание узкого Мессинского пролива, отделяющего Сицилию от Аппенинского полуострова. В этом опасном для кораблей проливе шириной всего 3 км, направления быстрых приливных течений меняются четыре раза в сутки. Поэт описывает прибрежные скалы, как жилища чудовищ – Сциллы и Харибды:

*...Сцилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
Со свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов. Когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны шибались, а в недрах утробы открыто кипели*

Тина и черный песок
(*Одиссея*, п.12, 235—240).

Почему песок в воронке Харибды черный?.. Ведь черный цвет песка – большая редкость! Как ни странно, это не поэтическая метафора. Описание Гомера безукоризненно точно и соответствует наблюдательности геолога.

Действительно, здешний вулкан Этна выбрасывает лаву и пепел, которые, разрушаясь, дают массу черного песка, состоящего из рудного минерала магнетита. Возникает редкое геологическое явление: в прибрежных водоворотах Мессинского пролива пенный водно-воздушный вихрь действительно крутит тяжелый черный песок.

А вот наблюдение, сделанное, можно сказать, «под увеличительным стеклом»:

*Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество крупинок камня к его прилепляется ножкам...*
(*Од.*, п.5, 432)

В современной минералогии используется термин «жирный блеск»: он встречается у минералов редко и характерен для полированного известняка. Студентов-геологов долго учат распознавать этот специфический блеск. Но Гомер его заметил три тысячи лет назад!!! Вот как выглядит у него описание сидений, изготовленных из белого греческого известняка и отполированных античными задами:

*...он сел на обтесанных, гладких, широких
Камнях, у двери высокой служивших седалищем; белых,
Ярко сиявших, как будто помазанных маслом...*
(*Од.*, п.3, 406)

Наконец, у Гомера можно найти «кадры документальной кинохроники» передающие такие ужасные детали кровопролитной битвы, что от них у зрителей волосы поднимаются от ужаса:

*С громом упал он, копьё упавшему в сердце воткнулось,
Сердце его, трепеща, потрясло и копейное древко!..*
(*Ил.*, п.13, 442)

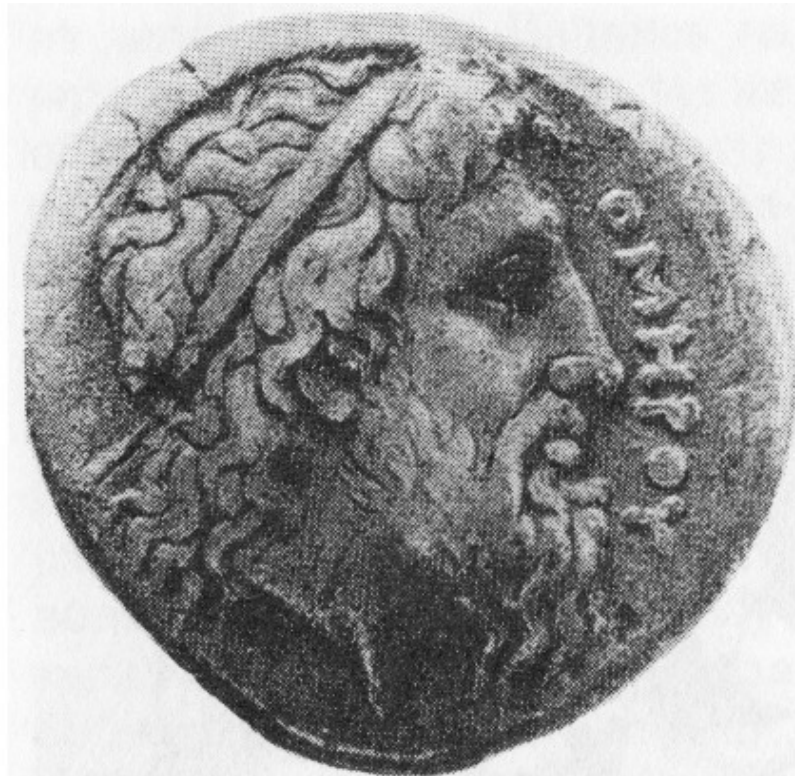
Описать, как колеблется торчащее из тела копьё в ритме проколотого им умирающего сердца – за всю историю поэзии на такое оказался способным один лишь великий Гомер. Но для этого он просто должен был **ВИДЕТЬ!!!**

Кто «ослепил» Гомера?

По преданию, Гомер был похоронен на острове Хиос. Сохранились монеты с Хиоса, относящиеся к четвертому веку до н.э.; Гомер на них изображен похожим на Зевса, с широко открытыми зрячими глазами. В музее города Модены в Италии хранится бронзовый бюст той же эпохи, где сохранилась надпись с именем Гомера. Предполагают, что этот бюст – копия с более древнего мраморного изображения. В музее Неаполя стоит мраморный бюст Гомера четвертого века до н.э. – и тоже без всяких следов слепоты (рис.3). Известны и другие древние изображения зрячего поэта, но все они созданы до эпохи эллинизма, начало которой положил Александр Македонский.

Почему же в наше время так широко распространено мнение о «слепом Гомере»? Когда оно появилось и почему? Ведь «настоящим» древним грекам и в голову не приходила такая мысль!

Оказывается, представление о «великом слепце» возникло в Александрии, знаменитом городе, построенном Александром Македонским и ставшем мировым центром эллинистической культуры.

Монета IУ века до н.э., отчеканенная на острове Хиос, где по преданию был похоронен Гомер. На монете – имя Гомера и его изображение с широко открытыми зоркими глазами.

Плутарх рассказывает, что Александр во всех походах не расставался с текстом «Илиады» и называл поэму своей величайшей драгоценностью. Завоевав Египет, Александр решил основать там большой город и назвать его своим именем. Зодчие уже нашли для города подходящее место, но Александру во сне явился... сам Гомер в образе почтенного старца с седыми волосами; он встал около Александра и прочитал ему стихи из «Одиссеи»:

*На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители – Фарос...
Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою.*

(Од., п.4, 354)

Александр немедленно отправился на Фарос и увидел местность, удивительно подходящую для постройки большого города – с рекой и прекрасной гаванью. Царь воскликнул, что Гомер, достойный восхищения во всех отношениях, вдобавок ко всему – мудрейший зодчий. Он приказал тут же начертить план города, сообразуясь с местностью. Под рукой не оказалось мела, и тогда зодчие сделали разметку ячменной мукой.

Так зимой 332 – 331 г.г. до н.э. была основана Александрия, столица греко-египетского государства Птолемеев и крупнейший центр эллинистической культуры. Естественно, что центре города был поставлен храм Гомера, а сам поэт был обожествлен.

И вот интеллектуалам и многочисленным философам Александрии старые изображения Гомера показались как бы... недостаточно интересными. Бог-поэт, по их мнению, должен был выглядеть не как обычный смертный, а как-то иначе. Но как?..

Изошренные в спорах и дискуссиях философы эпохи эллинизма, воспитанные на Платоне и Аристотеле, любили подчеркивать превосходство «зрячести слепоты» избранных над «слепотой зрячести» малограмотной и бескультурной массы. Они помнили спор этих знаменитых философов древности на тему: «Имеются ли у крота глаза?..»

Как известно, дискуссия затянулась, и раб-садовник предложил философам просто взять крота и посмотреть на его морду. Но философы ответили, что для решения задачи крот им совсем не нужен – и продолжали теоретизировать. Нечто похожее получилось и с «философской проблемой» Гомера. Для элитарного восприятия образ слепого основоположника мировой литературы оказался очень привлекательным – и Гомер в храме был изображен... слепым!

Гомерический смех Демодока

До нашего времени дошло более 20 копий знаменитого бюста, созданного ваятелями Александрии и установленного Птолемеем I Филопатором (222 – 204 г.г до н.э.) в храме Гомера. Значит, таких копий в древности было создано гораздо больше.

Бронзовый бюст зрячего Гомера, IУ век до н.э., копия с более древнего мраморного изображения. Музей города Модены, Италия.

К мнению и вкусам прославленной Александрийской библиотеки прислушивался весь просвещенный мир эллинистической культуры. Ведь древнегреческие философы без всяких ускорителей пришли к мысли о существовании атома! И если мысль человека всеильна – то и зрение основоположнику поэзии совсем необязательно, он формирует мир из головы – готовым и совершенным, примерно так же, как Зевс из расколотой Гефестом головы произвел Афину Палладу.

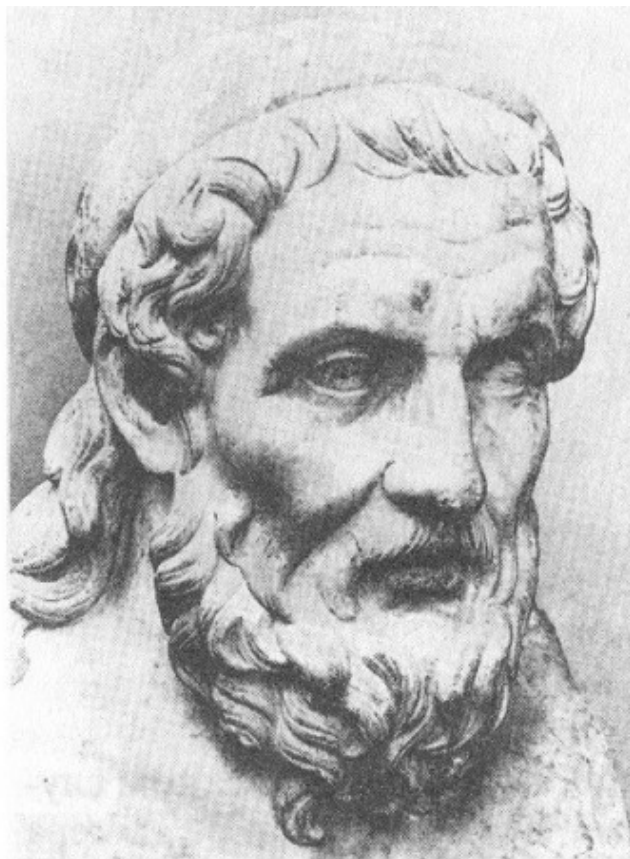
Мнение о слепоте поэта подтверждалось стихами Гомера о слепом от рождения знаменитом певце – Демодоке. И сейчас исследователи творчества Гомера считают автобиографичными строки из «Одиссеи», посвященные Демодоку:

*Муза его при рождении злом и добром одарила —
Очи затмила его, даровала за то сладкопенье.
(Од., п.8, 63)*

Думается, что если Демодок был слеп от рождения и не знал, что такое цвета и формы окружающего мира, то прообразом Гомера он быть никак не может. Но вот что удивительно: в игривой и даже эротической песне Демодока о том, как хромой бог-кузнец Гефест поймал железной сетью жену-изменницу Афродиту в объятиях бога войны красавца Арея, полностью отсутствуют... цвет, свет, форма предметов и их описание.

Но зато именно в песне слепого от рождения поэта и певца Демодока с небывалой для поэм Гомера силой проявился... ЗВУК! Все знают выражение «гомерический смех», но никто не обратил внимания на тот факт, что этот знаменитый смех – создание не Гомера, а Демодока! Ведь только в его песне боги дважды «поднимают смех несказанный», а попросту говоря, буквально умирают от смеха, глядя на опутанных железной сетью незадачливых любовников, лежащих на ложе Гефеста.

Песнь Демодока – классический пример того, как слепой поэт фиксирует внимание слушателей на действии и звуке. Похоже, что Гомер действительно вставил в свою поэму песнь слепца в качестве «развлекательной программы», но сделал это корректно и безупречно с точки зрения даже современной этики, указав имя автора песни и органично включив ее в описание веселого народного праздника.

Мраморный бюст зрячего Гомера, 1У век до н.э., музей Неаполя, Италия.

Итак, Гомер не был слепым. Конечно, он мог ослепнуть в старости, но на его творчестве это никак не отразилось. Его поэмы доносят до нас сквозь непроглядный мрак времени формы, краски, блеск и свет древнего мира, создавая удивительное ощущение прорыва через тысячелетия. Это чувство выразил А. С. Пушкин, отозвавшийся в печати на перевод «Илиады» другим – незачеркнутым – двустишием:

*Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.*

Бог Аполлон – предшественник террористов

Сибирскую язву в качестве смертельного оружия присмотрели не только военные и террористы. Болезнь, крайне сходную с сибирской язвой, описывает... Гомер, рассказывая о событиях, относящихся к осаде Трои греками-данайцами в XII веке до н. э. В те далекие времена разносчиком болезни и «террористом», согласно «Илиаде», стал грозный бог Аполлон, которого разгневал вождь греков, царь Агамемнон. К царю пришел служитель культа Аполлона жрец Хрис с богатым выкупом: он просил освободить свою пленную дочь. Но высокомерный Агамемнон выгнал жреца, сказав:

*Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,
В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далеке —
Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.*

Тогда Хрис воззвал к Аполлону, напоминая о своем усердии в служении сребролукому богу и умоляя его отомстить данайцам. Аполлон услышал жалобные вопли жреца, ринулся с вершины Олимпа к лагерю греков и начал метать из лука серебряные стрелы.

*В самом начале на месков напал он и псов разнородных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрестанно пылали по стану,
Девять дней на воинство божии стрелы летали.*

На десятый день Агамемнон собрал общий совет, чтобы обсудить положение и решить, что делать дальше. Первым на совете выступил знаменитый герой Ахиллес. Спасение от губительного мора он видел лишь в одном: надо срочно кончить затянувшуюся войну и всем вернуться домой. Но предварительно он предложил узнать, чем так разгневан Аполлон и почему он наслал на греков «пагубную язву».

Следом встал греческий жрец Калхас и объяснил причину мора, назвав его не как-нибудь, а снова – «пагубной **язвой**». Замечу, что Гомер в «Илиаде» использует слово «язва» не в переносном, а вполне в современном смысле, называя так раны от стрел, копий и мечей, т.е. глубокие поражения кожи.

Какую болезнь описывает Гомер? Он сообщает, что от массовой эпидемии сначала умирали мески (помесь лошадей и ослов) – мулы или лошаки, а также бродячие собаки. Потом разразилась массовая эпидемия среди воинов, причем смертельная болезнь сопровождалась появлением язв на теле и была очень скоротечной: за девять дней в лагере греков было сожжено множество трупов.

Не так уж много существует массовых смертельных заболеваний, сопровождаемых язвами, от которых гибнут одновременно как домашние животные, так и люди. Массовое заболевание бешенством для описанной эпидемии не подходит, поскольку для бешенства характерен длительный (месяц и более) инкубационный срок между заражением и смертью. К тому же древние врачеватели, конечно, отличали укусы бешеных собак от язв, сопровождающих болезнь.

Язвы характерны для скоротечной смертоносной бубонной чумы. Но лошади, мулы и собаки человеческой формой чумы не болеют (в отличие от грызунов – крыс, мышей, сусликов, являющихся переносчиками этого страшного заболевания). Из известных болезней ближе всего к описанной Гомером эпидемии две: смертельно опасный, но практически забытый в наше время сап и ставшая «модной» за последнее время страшная болезнь, взятая на вооружение террористами и характерная для скота и людей – сибирская язва.

Смертность людей при заболевании сапом достигает 90%, болеют им, помимо людей, лошади, ослы, лошаки, мулы, дикие хищники (рыси, тигры, львы и др.), но коровы, овцы, козы

и свиньи сапа не боятся. Больной человек покрывается страшными язвами, температура превышает 39 градусов, острые формы заканчиваются смертельным исходом. Но длится болезнь довольно долго – от 2 до 4—5 недель.

Сибирская язва – острая инфекционная болезнь, характерная для лошадей, коров, овец, коз, свиней, оленей, верблюдов. Человек легко заражается от животных, причем при естественном заражении преобладает кожная форма, называемая в медицине также злокачественным карбункулом. На коже больных возникают медно-красные и багрово-фиолетовые вздутия размером с кулак, превращающиеся в кровоточащие язвы, покрытые угольно-черным струпом. При попадании бацилл сибирской язвы в легкие неизбежно и быстро – в течение нескольких дней – наступает смерть, в чем уже в наше время убедились американские врачи, безуспешно пытавшиеся вылечить заболевших людей самыми современными лекарствами и методами.

Скоротечность описанной Гомером язвенной эпидемии сближает ее с сибирской язвой, но ассоциация заболевших животных, особенно гибель мулов и лошаков, скорее указывает на эпидемию сапа. Неясность заключается в том, что сап часто проявлен у кошачьих, а современные собаки сапом вроде бы не болеют. Не боятся собаки и сибирской язвы... Тем не менее, Гомер, изумляющий читателей своими энциклопедическими познаниями, задолго до известных нам врачей первым описал эпидемию смертельного кожного заболевания, массовое заражение людей от домашних животных, которое могло резко изменить политическую ситуацию и спасти Троицу от грабителей-оккупантов. Может быть, три тысячи лет назад формы сапа или сибирской язвы отличались от современных и действовали на собак?..

Шелковый путь в эпоху Гомера

Историки считают, что Великий шелковый путь начал действовать только в конце 2 века до н. э. Трехтысячелетняя изоляция китайской цивилизации была нарушена в 126 году до н.э., когда из 12-летнего странствия вернулся посол Чжань Цянь. Задачей посла было создание союзного договора с племенем юэджи против воинственных соседей – непобедимых сюнну, разграбивших впоследствии Европу под именем гуннов.

Но юэджи не стали воевать и бежали от сюнну в нынешний Таджикистан. Договориться послу о совместных военных действиях не удалось, но зато Чжань Цянь неожиданно увидел окружающий мир – богатые страны Средней Азии, где однако не знали шелководства. Императора Поднебесной особенно поразил рассказ посла о конях туркменской породы, отличавшихся от маленьких китайских лошадок необыкновенной величиной и красотой, и он предложил менять их на драгоценную китайскую ткань. Так возник Великий шелковый путь из Китая в страны Евразии.

Для античного мира Китай оставался неизвестным. И в более позднюю эпоху эллинизма, когда Александр Македонский захватил Среднюю Азию и Индию, ученые и философы Александрии и Древнего Рима ничего не знали о Поднебесной империи. Однако имеются основания считать, что торговые связи между Китаем и греческими государствами Средиземноморья существовали еще за тысячу лет до посольства Чжань Тяня – в эпоху расцвета крито-микенской культуры, в 12 веке до н.э.! Дело в том, что упоминание о ткани, чрезвычайно похожей на шелк, имеется у... Гомера, великого энциклопедиста древнейшей эпохи человечества.

В 19 песне «Одиссеи» рассказывается, как Пенелопа испытывает незнакомого странника, под видом которого скрывается сам Одиссей. Странник рассказывает ей, что он встречался ее мужем. Недоверчивая Пенелопа спрашивает: «Можешь ли мне описать ты, какое в то время носил он платье?» И Одиссей отвечает:

*...Хитон, я приметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
Я же – заметь ты – не ведаю, где он такую одежду
Взял? Надевал ли уж дома ее до отбытия в Троию?
В дар ли ее получил от кого из своих при отъезде?
Взял ли в подарок прощальный как гость? Одиссея любил
Многие люди; сравниться же мало могло с ним ахеян.*

(П.19, 233—240)

Совершенно очевидно, что Гомер, который по, моему мнению, никогда не был слепым, с поразительной точностью описывает... китайский шелк, тончайшую ткань, которую в те времена сравнить можно было лишь с золотистой пленкой, покрывающей головки лука. На фоне грубых домотканых тканей из овечьей шерсти, которыми пользовались древние греки, переливающийся на солнце шелк, безусловно, производил на окружающих примерно такое же сильное впечатление, как в наше время – фантастическая серебристая ткань костюмов инопланетян, о которых рассказывают «контактеры».

Но этот текст означает, что какие-то сложные торговые связи греческих государств с Китаем были даже в ту незапамятную эпоху! Если бы Гомер знал, откуда привозят такую удивительную ткань – наверное, он бы об этом сказал устами своих героев. Скорее всего, шелк доставлялся морем через Индокитай, Индию, египетские порты на Красном море. Шелковый путь, возможно, трассировали финикийцы или критяне, обладавшие самым мощным флотом

на Средиземном море. Гомер подробно описал острова Средиземноморья, а Криту он посвятил замечательные строки:

*Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отовсюду объятый водами, людьми изобильный...*

В эпоху античности китайский шелк тоже какими-то неведомыми путями попадал в Европу. Археологи нашли кусочки шелковой ткани 5 века до н.э. в Греции около Афин, а также на территории современного Люксембурга; к 4 веку до н.э. относится находка шелка в Македонии. Но уже в 1 веке до н.э. одежду из китайской (или, как говорили римляне, серской) ткани носит царица Клеопатра. Римский поэт Лукан, убивший себя по приказу Нерона, описывает Клеопатру так:

*Белые груди ее сияют под тканью, сотканной
серским станком...*

Долгое время фунт шелка стоил фунт золота. Римский император Аврелиан, живший в III веке н.э., боролся с развитием в обществе «богатства напоказ» и зависти к богатым. Поэтому он запретил носить одежды из чистого шелка и сам их не имел в своем гардеробе. Когда грек-продавец все же соблазнил его жену багряным сверкающим шелковым плащом и она попросила Аврелиана позволить ей купить сверхмодный наряд, суровый император выгнал купца, сказав: «Нельзя допустить, чтобы нитки ценились на вес золота!»

Дошел шелк и до Древней Руси. Историк А. М. Петров обратил внимание на строки из «Слова о полку Игореве»: князь Игорь в первой стычке с половцами захватил «золото, паволоки и дорогие оксамиты». Паволоки и оксамиты – это шелковые ткани: по северному Предкавказью шел один из развилков Великого шелкового пути. Но ни в Ипатьевской, ни в Лаврентьевской летописях нет ни слова о такой дорогой добыче, как шелковые ткани, а на Руси они тогда стоили даже дороже золота. Если о шелке знал только автор «Слова», значит, он был участником битвы. По нашему мнению, это еще одно доказательство того, что «Слово» написано самим князем Игорем.

Текст Гомера с упоминанием китайского шелка свидетельствует о торговых путях, впоследствии забытых купцами, народами и странами. Об этом же свидетельствует сенсационная археологическая находка, сделанная в 2000 году американским профессором Хайбертом под Ашхабадом, у поселка Анау. При раскопках Хайберт нашел печать из обожженной глины с древними китайскими иероглифами, предположительно относящуюся к 23 веку до н.э.; в надписи речь идет о зерне. Точная датировка находки, возможно, подтвердит рассказ Гомера о шелке, драгоценной валюте древнего Китая и заставит историков задуматься о древнейших и еще неизученных связях между великими цивилизациями прошлого, существовавшими на разных концах нашей планеты.

Гомер – неудачник в семейной жизни?

Поэмы Гомера – энциклопедия жизни древнегреческого общества. Поэт подробно рассказал обо всем, что его окружало, и в «Илиаде» и «Одиссее» можно найти изумительно точные картины природы, натуралистические описания кровавых сражений, рассказы о спортивных соревнованиях и веселых праздниках...

Но Гомер не был бы великим писателем, если бы не уделил особую роль отношениям между людьми. Простые воины и цари, рабы и их хозяева, мужья, жены и наложницы, герои и трусы, купцы и лазутчики – все они мелькают в кипящем котле сюжета, находясь в постоянном тесном взаимодействии. Поведение олимпийских богов ничем не отличается от поведения людей; Гомер проектирует на небо человеческие отношения – и боги, как и люди, стремятся к власти, обманывают друг друга, мстят, интригуют, страдают.

В текстах поэм постоянно просвечивает личное отношение автора к описываемым событиям: он одновременно и зритель, и моралист, оценивающий разнообразные ситуации. Я говорю «зритель», потому что в отличие от общепринятого мнения, убежден в том, что Гомер никогда не был слепым. Удивительно, что исследователи его творчества как бы не замечали точность его зарисовок природы, обилие света и цвета, обилие мелких деталей. В поэмах проступает неограниченный слепотой богатейший жизненный опыт Гомера, который как бы говорит: «Было такое со многими моими знакомыми... и со мной тоже... знаю... помню... видел... расскажу... дам добрый совет.»

На память приходит автобиография великого русского поэта Сергея Есенина – «О себе». Она предельно коротка, укладывается в одну страницу и заканчивается словами: «Что касается остальных автобиографических сведений – они в моих стихах». Очевидно, эти слова относятся к творчеству любого поэта. Поэт резонирует на жизнь стихами. Это подтверждает Анна Ахматова знаменитыми строчками: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...». Иначе говоря, в стихах можно найти информацию даже о мелких событиях, волновавших автора.

Сэр Артур Конан-Дойл писал: «Человек не может вылепить характер в своем собственном сознании и наделить его подлинной жизненностью, если в нем самом нет ничего общего с этим характером...» Иначе говоря жизненный опыт автора пропитывает его героев. Исследователи Гомера не обращали внимания на тот поразительный факт, что знаменитый греческий географ Страбон, живший на рубеже старой и новой эры, считал основоположником географии... Гомера и в своей «Географии» ссылался на его поэмы... 130 раз!

Страбон много путешествовал и мог сравнить личные наблюдения с описаниями Гомера. Однако он пришел к выводу о том, что Гомер лично видел больше него и сумел собрать такие сведения о дальних странах, которые многим поколениям ученых, включая самого Страбона, узнать не удалось. Это значит, что Гомер был не только поэтом, но и великим путешественником, наблюдателем с острым взглядом и удивительной памятью. Как любой путешественник, он надолго оставлял свой дом и жену, что не способствовало укреплению семейных отношений.

Внимательно читая «Илиаду» и «Одиссею», приходишь к мысли, что Гомер, о личной жизни которого нам практически ничего не известно, нередко рассказывает о себе, о своем личном опыте, о своей жизни... И когда дело касается семьи и семейных отношений, то рассказ у Гомера обычно получается грустный, невеселый, потому что женщины, независимо от того, чьи они жены – богов ли, царей или героев – в большинстве случаев не радуют своих мужей.

Можно возразить: а любящая жена Гектора – Андромаха?.. Но она появляется в «Илиаде» только как плакальщица: для того, чтобы горько рыдать перед выходом героя на битву из стен Трои и после его гибели в единоборстве с Ахиллом... А верная жена Одис-

сея – Пенелопа?.. Но ведь она не показана в семейной жизни, она знаменита лишь тем, что двадцать лет ждет пропавшего без вести мужа, отбиваясь от сотни женихов... Пенелопа – это далекий от реальности идеальный образ, «женщина-мечта» 12 века до н.э.

Зато на фоне «идеальной» Пенелопы все остальные жены в произведениях Гомера бес-предельно «реалистичны»; они свободно дают волю своим отвратительным качествам; они лживы, злобны, неверны, коварны... Положительные начала у них вообще отсутствуют... Жить с ними – сплошное мучение даже для богов.

Задумаемся – с чего бы это? Гомер – женоненавистник?.. Или он рассказывает о своей неудачной личной жизни? Одним из самых отрицательных женских типов в поэмах является богиня Гера, жена Зевса. И владыка мира, всеильный Зевс, оказывается одним из самых несчастных мужей: ему приходится постоянно скандалить с женой. Вестница богов Ирида приносит Гере послание грозного мужа:

*Ты привыкла все разрушать, что Кронид не замыслит!
Ты ужасная псица (сука? – А.П.) бесстыдная, ежели точно
Противу Зевса дерзаешь поднять огромную пику!
(Ил., п.8, 423)*

При личной встрече супругов радости еще меньше:

*Грозно на Геру смотря, провещал громодержец:
Козни твои, о злотворная, вечно коварная Гера,
Гектора с поля свели... Ударами молний тебя избичую!
(Ил., 15, 14)*

Зевса, как настоящего мужчину, дьявольски раздражает постоянная слежка за ним жены:

*Все примечаешь ты, вечно меня соглядаешь,
Но произвесть ничего не успеешь: более только
Сердце мое отворишь, и тебе то ужаснее будет!
(Ил., 1, 562)*

*В помощь ли злобе твоей и любовь, и объятия были,
Коими ты, от богов удаляясь, меня обольстила?..
(Ил., 15, 33)*

Жена, естественно, отвечает мужу «взаимностью»:

*Зевса... Гера узрела, и был ненавистен он сердцу богини...
Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера...
(Ил., п.14;157,329)*

Характер Геры, действительно, оставляет желать лучшего:

*...Гера улыбалась устами,
Но чело у нее между черных бровей не светлело.
(Ил., 15, 101)*

Что заставило Гомера так подробно описывать распрю в божественной семье? Почему так верно он описывает эволюцию семейных раздоров – с мелочей до полного разрыва:

*Распря, малая в самом начале, она пресмыкается; после
В небо уходит glavой и стопами по долу ступает!
(Ил., 2, 442)*

Что остается делать мужу, ссорящемуся с женой?.. Напиться с горя:

Мужу, трудом истомленному, силы вино обновляет.
(Ил., 3, 261)

В то же время Гомер отнюдь не женоненавистник, женскую красоту в «Илиаде» высоко ценят даже старики:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.